

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ КАК ПОЛЕ ДЛЯ ВОПРОШАНИЯ

ЕЛЕНА ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Профессор

Контакт: elena_zolotuhina@mail.ru

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению ряда вопросов, имеющих методологическое значение при историко-философском исследовании, а именно: вопросу о сохранении в современном мире философии и роли для ее существования историко-философской составной; вопросу о соотношении в истории философии исторического аспекта и актуальной проблематики (иначе говоря, теме «исторического» и «собственно-философского» аспектов); а также проблеме совпадения/несовпадения позиций историка философии и изучаемого им автора и теме авторов первого и второго ряда в историко-философском процессе. Автор позитивно решает вопрос о сохранении философии, несмотря на различные утверждения о ее гибели, и считает, что философский процесс в немалой степени является историко-философским. По вопросу об «историческом» и «сегодняшнем-философском» аспектах истории философии автор дает краткий обзор взглядов Г.-Г. Гадамера, Р. Рорти и С.С. Аверинцева, присоединяясь к позиции С.С.Аверинцева. Эта позиция полагает возможным диалог в историко-философском процесс именно индивидуальных авторов, их субъективностей, с опорой как на историческое знание, так и на надисторичность логической мысли. Автор также допускает возможность совпадения мировоззренческих установок и концептуальных позиций исследователя и его предмета (текстов автора прошлого) и описывает проблему выбора, которая стоит перед исследователем: заниматься ли философскими знаменитостями или включать в историко-философское изучение менее значимые фигуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кризис метанарративов, постфилософия, герменевтика, рациональная реконструкция, историческая реконструкция, историко-философский диалог, трансцензус мысли, понимание, эмическое и этическое, философские фигуры первого и второго ряда.

METHODOLOGY OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY AS A FIELD OF INQUIRIES

ELENA ZOLOTUKHINA-ABOLINA

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Professor

Contact: elena_zolotuhina@mail.ru

ABSTRACT. The article is devoted to a number of issues that are of methodological importance in historical and philosophical research, for example: the question of the preservation in the modern world of philosophy and the role of historical-philosophical composite for its existence. The author puts forward the question of the correlation in the history of philosophy of the historical aspect and the actual problems (in other words, the theme of «historical» and «philosophical» aspects); as well as the problem of the compatibility / incompatibility of the positions of the historian of philosophy and the author studied by him and the theme of the authors of the first and second series in the historical-philosophical process. The author positively considers the issue of preserving philosophy, despite the various claims about its death, and believes that the philosophical process is largely historical and philosophical one. Considering the subject of the «historical» and «current-philosophical» aspects of the history of philosophy, the author gives a brief survey of the views of G.-G.Gadamer, R.Rorty and S.S.Averintsev, joining S.S. Averintsev's position. This position presupposes the possibility of the dialogue in the historical and philosophical process of individual authors, their subjectivities, with support both for historical knowledge and for the up-to-earthness of logical thought. The author also admits the possibility of compatibility of ideological attitudes and conceptual positions of the researcher and his subject (texts of the author of the past) and describes the problem of choice that confronts the researcher: whether to research philosophical celebrities or to study less significant figures from the historical and philosophical point of view.

KEY WORDS: methanarrative crisis, post-philosophy, hermeneutics, rational reconstruction, historical reconstruction, historical and philosophical dialogue, transcendence of thought, understanding, emistic and ethical, philosophical figures of the first and second series.

Постановка проблемы

Предлагаемая вниманию читателей статья выросла из того заинтересованного обсуждения методологии истории философии, которое произошло недавно на одном из теоретических семинаров кафедры истории философии ЮФУ. Коллеги собрались, чтобы побеседовать о том, как исследовать наследие философской мысли, что советовать аспирантам, и вдруг поняли, что вопросов возникает больше, чем ответов, и, хотя собрались общаться профессионалы, они не сразу могут прийти к единому мнению, к общему знаменателю, потому что видят методологические сюжеты по-разному, различно толкуют суть самой философии, не одинаково понимают задачи обращения к прошлому. В этом небольшом тексте я хочу дать беглый обзор некоторых возникших в дискуссии вопрошаний, достаточно пылких и патетических, которые всегда появляются, когда мы пытаемся осмыслить историко-философское дело. Разумеется, я дам и свои ответы, ибо человек на самом деле никогда до конца не ограничивается одними вопросами, лишь постановками проблемы, не «подвешивает» тему совсем без решения, имеет в виду некоторые, пусть мало доказуемые, возможности решения проблемы.

Философия: вопрошание о себе

Нужна ли сегодня история философии? Это первый вопрос, который волнует сегодня как просто философов, так и историков философии. Нужна ли она для образования, весьма прагматизированного и направленного на нужды сегодняшнего дня? Нужна ли она сегодняшним философам, когорте достаточно пестрой, порой анархической? Видимо ответы на эти вопросы связаны с пониманием самой философии и ее места в современном мире.

Собственно, философию уже в прошлом, XX веке, теснили со всех сторон. С одной стороны ее потесняло сциентистское и технократическое мышление, не выносящее философской свободной мысли, касающейся «предельных вопросов». Эта мысль работает со смыслами, «субстанцией» континуальной, текучей, и не переводится до конца в математическую форму, а также не прилагается прямо к практике повседневной жизни. Это сильно раздражает и «технарей» и экономистов. С другой стороны, хотя в западном мире и была объявлена свершившаяся секуляризация, религии никуда не делись, и только стали менять форму своего существования, по-прежнему призывая к безоговорочной вере, а не к философскому «бряцанию словами», критике и аналитике. В философии вместе с ее историей продолжали и продолжают видеть опасность избыточного умствования и откровенного фрондерства.

Однако самый большой удар по философии нанесли идеи постмодернизма. Утверждение «кризиса метанарративов», отмеченного

постмодернистской мыслью¹, означало, что философия потеряла одну из главных своих функций – быть «большим нарративом», рассказом «про жизнь-про счастье», давать мировоззренческие ориентиры и продуцировать смыслы. Платон и Аристотель, Кант и Гегель, Фрейд и Сартр как бы оставались «не при деле», сделались не нужны в обществе, увлеченном прибылью, компьютерами и потреблением. Постмодернизм, отчасти фиксировал, но больше утверждал и насаждал ставший впоследствии модным взгляд на то, что современный человек не нуждается в размышлении о ценностях, в анализе собственного бытия, в выяснении возможностей познания и нравственной рефлексии. Ему осталось только есть, пить, веселиться и тягаться с себе подобными за знаки социального статуса, о чем прекрасно писал Ж.Бодрийяр². Р. Рорти, пользуясь также как Ф. Лиотар, идеей «языковой игры», безгранично расширяет сферу философии, включая в нее эссеистику, литературную критику, политическую и психологическую рефлексию, то есть, любой актуальный гуманитарный диалог. Н.С. Юлина пишет об этом: «Итак, собственного предмета у философии нет, нет и собственной истории, исторический реализм несостоятелен. Как же нам изображать историю? Вместо реализма Рорти предлагает принять позицию исторического номинализма. Имеющиеся в распоряжении тексты и памятники позволяют говорить только о том, что до нас жили мыслящие индивиды, обсуждавшие релевантные их времени темы. Некоторые из этих тем кажутся имеющими отношение к нашему пониманию философии, другие представляются обыденными, третьи – странными и нелепыми. Однако в свое время все они были органично связаны между собой и имели смысл для личностей, обсуждавших их»³. То есть, история философии оказывается при таком взгляде не у дел.

Интересно, что даже последовательные критики постмодернизма, такие как А.Г.Дугин, в немалой степени принимают идею о «смерти философии» (и, соответственно, ее истории). Так одна из толстых книг А.Дугина названа «Постфилософия»⁴, и там утверждается. Что философствование – исключительно занятие эпохи модерна, а в постмодерне она уже не находит себе места, также как ей не было место в премодерне, погруженном в мифологию. И хотя автору это не нравится, он как бы вынужден смириться со сложившейся исторической ситуацией.

¹Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна СПб Изд. Алетея 1998. – 160 с.

²Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры М. Культурная революция, Республика 2006.- 269 с.

³Н.С. Юлина Ричард Рорти: разговор “через эпохи”, “в эпохе” и историография философии // <http://www.intelros.ru/readroom/istoriya-filosofii/f1-1997/19325-richard-rorti-razgovor-cherez-epohi-v-epohe-i-istoriografiya-filosofii.html> (обращение к сайту 15.05.2017)

⁴ Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., Евразийское движение. 2009. -744 с.

Что можно сказать по этому поводу? Лично я никак не могу согласиться с идеей «смерти философии» и следующим отсюда пренебрежением к ее истории. Философия – область интеллектуального размышления, посвященного совершенно определенному кругу проблем, это, говоря широко проблемы соотношения человека и мира, субъекта и объекта, субъективного и объективного. Она – теоретическое самосознание культуры. В ее круг входят темы, связанные с сущностью, познавательными и деятельными способностями человека, вопросы соотношения человека с природным, техническим и духовным миром, Богом и возможными иными мирами. Философия работает с темами человеческого Я, коммуникации, ценностей и идеалов. «История философии, - писал К. Ясперс, - есть обнаружение бытия в человеке, а благодаря ему, и человеческого бытия»⁵. В то же время не может быть «философии продажи арбузов», «философии сломавшегося трамвая», и не потому, что эти темы плохие, а потому что партикулярные, узкие, ситуативные – «не философские», не касающиеся «предельных оснований» действительности и сознания.

Перечисленные философские сюжеты актуальны в наши дни также как во все иные, и тематика эта умирать не собирается, потому что люди продолжают жить и думать о собственных путях в жизни и истории. И проблематика эта действительно может быть представлена в широком круге гуманитарных штудий от психологии до художественной литературы, и отсюда ее можно рефлексивно извлекать, чтобы перевести на собственно философский язык. Вот здесь-то и начинается специфика философии как таковой, не сводящейся к беседе обывателей за чашкой чая. У философии есть свой язык, определенный понятийный аппарат, есть традиция размышлений, есть принятые формы аргументации и, самое главное, есть обязанность соответствовать философской культуре – знать своих выдающихся предшественников и вступать с ними в постоянный заочный диалог. Профессиональная философская мысль – это мысль высоко образованного человека, способная аккумулировать опыт предшествующих интеллектуальных поколений и на базе полученных знаний и собственных культурных интуиций выдвигать новые идеи – познавательные, мировоззренческие, аксиологические. Отсюда – непреходящая ценность истории философии, без изучения которой, без постоянного обращения к которой философа просто не бывает.

⁵ Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. М. Спб. Наука. -272 с. С.74.

Фундаментальный вопрос: что доминирует - история или сегодняшний взгляд?

История философии как дисциплина совмещает в себе два предмета: собственно историю, которая может и должна быть исторической наукой, и философию – область гуманитарного знания, которую некорректно было бы отождествлять с наукой, построенной по модели физики и стремящейся избавиться от субъективности. История философии – это попытка, глядя порой через века и тысячелетия, погружаясь в иную эпоху и ее конкретные контексты, тем не менее, не только описывать то, что можно реконструировать в отношении философии прошлого, но найти то мыслительное поле, которое позволило бы осуществить разговор с прошлым, понять далеких от нас мыслителей и как представителей своего времени, и как в какой-то мере наших современников, чьи идеи для нас важны и ценны. Историк философии – это и историк, и философский герменевт.

Разумеется, это трудно, и на подобную трудность, указывали разные мыслители, в том числе, в XX веке Г.-Г.Гадамер, и Р.Рорти.

Г.-Г.Гадамер вполне понимает всю сложность поставленной перед гуманитарием-герменевтом задачи. Он пишет: «...в основе герменевтической задачи лежит полярность близости и чуждости; однако эту полярность не следует понимать вместе с Шлейермахером психологически, как напряжение, скрывающее в себе тайну индивидуальности; ее следует понимать подлинно герменевтически, то есть принимая во внимание прежде всего момент сказанности: язык, на котором обращается к нам предание, сказание, которое она нам рассказывает. Здесь тоже есть напряжение. Позиция между чуждостью и близостью, которую занимает для нас предание, есть промежуточная позиция между понимаемой исторически, отстоящей от нас предметностью и принадлежностью к определенной традиции. Эта «промежуточность» и есть истинное место герменевтики»⁶. Гадамер уповает в вопросе понимания текстов прошлого на феноменологическую отстраненность от психологии. Понимая, что от «предрассудков» (предмнений) современной эпохи никуда не деться, и смысловое искажение неизбежно вкрадывается в наше понимание, он, тем не менее, надеется на единство традиции и предвосхищение смысла. В то же время для него очевидно, что предрассудки и предмнения не находятся в свободном распоряжении интерпретатора и чистого беспримесного понимания быть не может, временное отстояние невозможно и не нужно преодолевать, нужно лишь давать раскрыться тексту, который говорит больше, чем сам автор: «Не только от случая к случаю, но всегда смысл текста превышает авторское понимание. Поэтому понимание является не только

⁶Гадамер Г.-Г. Истина и метод М. Прогресс. 1988. -704 с. С.349.

репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением. Пожалуй, неверно в связи с этим продуктивным моментом, заложенным в понимании, говорить о том, что мы понимаем лучше. В действительности понимание не может быть лучшим, будь то в смысле лучшего фактического знания, достигнутого благодаря более отчетливым понятиям, будь то в смысле принципиального превосходства, которым обладает осознанное по сравнению с тем неосознанным, что свойственно всякому творчеству. Достаточно сказать, что мы понимаем иначе «если мы вообще понимаем»⁷. Таким образом, Г.-Г. Гадамер полагает, что гуманитарный текст всегда читается из современности, и, в нашем контексте, следуя ему, мы можем сказать, что быть мыслящим историком мысли – непосильная задача, свое перевешивает чужое, а диалог – это разговор максимум с текстом, но не с мыслителем.

Близкий сюжет рассматривается Р. Рорти в его статье «Историография философии: четыре жанра». Рорти говорит об исторической и рациональной реконструкции, где рациональная реконструкция означает осовременивание и помещение автора прошлого в современные контексты, термины и споры (собственно, философствование), а историческая – объективное историческое воспроизведение идей мыслителей, как если бы это была история науки, а не философии: разговор о текстах в терминах прошлого. Понятно, что оба подхода выглядят несовершенными. Рорти стремится совместить их оба на базе «максимы Скиннера», которая звучит так: «Невозможно приписать кому-либо мысли или поступки, если он сам не признает это верным описанием того, что он имел в виду или сделал»⁸. То есть, по существу, диалог невозможен, ибо Аристотель или Спиноза не подтвердят нам, правильно ли мы их поняли. Далее Рорти пишет: «Дискуссия с великими философами прошлого может рассматриваться в виде альтернативы: либо это историческая реконструкция, удовлетворяющая максиме Скиннера, либо это рациональная реконструкция, игнорирующая ее. Однако, конфликт между ними вовсе не обязателен. Когда мы отдаем должное максиме Скиннера, мы рассматриваем мыслителя прошлого «в его собственных терминах», игнорируя тот факт, что мы должны плохо думать о всяком, кто все еще использует эти термины сегодня. Когда мы игнорируем максиму Скиннера, мы осуществляем рассмотрение в «наших терминах...»⁹. Впрочем, Рорти в качестве синтеза первых двух подходов и подхода, доминирующего над ними, называет «Историю духа» (Geistesgeschichte), образующую канон. Он отмечает: «Формирование канона важно в истории философии, потому что в дополнение к дескриптивному

⁷ Там же С.351.

⁸ Рорти Р. Историография философии: четыре жанра//http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Ror_IstFil.php (обращение к сайту 21 мая 2017 г.)

⁹ Там же.

использованию «философия» имеет важный и почетный аспект. Используемый дескриптивно термин «философский вопрос» может означать вопрос, который обсуждается некоторой современной «школой», а также всеми или многими из тех исторических фигур, которых привычно классифицируют как «философов». Однако, используемый почетно, он означает вопросы, которые следует обсуждать - вопросы столь общие и столь важные, что они должны быть в головах мыслителей всех времен и народов, независимо от того, сумели или «нет эти мыслители сформулировать их точно»¹⁰. Таким образом, сама тема «исторического» и «философского», которая есть тема понимания и интерпретации идей прошлого, просто снимается с повестки дня. Остаются лишь вопросы, которые, к тому же прочитываются в рамках канона. А если канон – несколько иной?

Трудно, однако, оставлять одни лишь вопросы без ответов. К ответам, хотя и данным в разные эпохи, и их сравнению приходится прибегать. И здесь, мне кажется, хороший подход к сочетанию исторического и философского дает работа С.С. Аверинцева «Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики». Хотя работа посвящена не чисто философским представлениям, она содержит ключи к разрешению дилеммы между историческим (знанием контекстов и языка прошлого) и собственно-философским (актуально мыслительным и «размыслительным») в историко-философском знании. Аверинцев является сторонником глубокого вхождения в культурный и социальный контекст произведений и авторов изучаемой эпохи и приводит в качестве положительного примера исследования А.Ф. Лосева и Д.С. Лихачева, которые являются глубоким погружением в эпоху, а не применением отвлеченного метода. Он пишет:

Речь шла о методе, стремящемся исходить из внутреннего строя самой средневековой мысли и из её собственных задач, отличных от наших задач, – о попытке ближе, чем это делалось прежде, держаться вещей, каковы они есть. Между тем читатель найдёт у меня сопоставления с фактами современной духовной культуры. Это ли не «модернизация»? Чем подобное поведение автора отличается от способа рассмотрения средневековой эстетики под знаком привычных школьных «проблем» и «категорий» – от того самого, от чего автор только что отказывался? Отвечаю: именно тем, что это не метод – не сквозной, систематически применённый принцип перетасовки и деформации самого

¹⁰ Там же

материала, а маргинальные замечания «по поводу», более или менее интересные для автора, может быть, любопытные для кого-нибудь из читателей, но не обязательные для самого изложения. К тому же сама обнажённость такой модернизации в значительной степени её обезвреживает. Ведь если современность названа по имени, игра ведётся открыто, и читателю предлагается усмотреть необязательный, экспериментальный характер такого соотношения. Опаснее, когда выгнанная в дверь современность возвращается через окно уже в замаскированном виде, когда модернизация неприметно растворена уже в самом способе членить материал и когда неизбежный риск интеллектуального эксперимента спрятан за мнимой самопонятностью изложения. Тогда облик предмета подвергается деформации уже не в своих ассоциативных связях, но в себе самом.¹¹

С точки зрения Аверинцева, к любому произведению, символу, артефакту культуры прошлого, в том числе к философскому трактату, следует относиться не как к предмету или просто «тексту», отчужденному от автора, не как к «универсальному вопросу, поставленному в традиции», вообще не как к объекту, а как к другой субъективности. Он пишет:

Изучая мысль мыслителя прошедшей эпохи, мы разбираем, рассматриваем, расчленяем её, как объект анализа; но одновременно мы позволяем помыслившему эту мысль обращаться к нам и быть не только объектом, но и партнёром нашей умственной работы. Предметы гуманитарных наук составлены из «вещей» особого рода – «вещей», которые через включение в человеческий мир стали знаками и символами; но если вещь только позволяет, чтобы на неё «смотрели», символ и сам взыскующе и вопрошающе «смотрит» на нас¹².

И далее:

¹¹Аверинцев С.С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики <http://ec-dejavu.ru/a-2/Aesthetics.html> (обращение к сайту 21 мая 2017 г.)

¹²Там же

...Это относится отнюдь не к нашему субъективному восприятию историко-культурного факта – от субъективности учёный вправе и обязан отвлечься – но к его бытию как факта; при самом трезвом подходе мы не можем «отмыслить» тот его уровень, который улавливается нашей способностью к человеческому общению. Но коль скоро мы имеем в виду всю двусмысленность слова «понимание», наряду с пустым непониманием – недоразумением, мы обязаны увидеть то непонимание-удивление, без которого невозможно достоверное понимание (вспомним, что по Платону «удивление есть преимущественное состояние философа»). Человеческое общение есть понимание «поверх барьеров» непонимания, предполагающее эти барьеры. Даже в жизни мы не можем понять чужую жизнь, если не почувствуем, что она обращается к нам из глубин пребывания внутри себя: человек может быть нашим собеседником лишь постольку, поскольку его свойство быть кроме всего прочего ещё и нашим собеседником для него необязательно, – он выходит к нам из закрытой для нас собственной жизни, приоткрывая её, и только наличие последней делает возможным сам «выход». Как только прекратился бы взаимоупорности и непроницаемости чужого «я», прекратился бы и диалог¹³.

Понимание нами писателя прошлого затруднено еще тем, считает Аверинцев, что за написанными им словами есть так называемое «фоновое знание» - не выраженные на бумаге представления, которые были достоверно известны каждому мыслящему человеку того времени. Например, в Средневековье гора была символом духовного восхождения, и выражение вроде «и тогда он взошел на гору...» правильно прочитывалось современниками и может быть невнятным для сегодняшнего читателя. Историк философии должен уметь разгадывать такого рода загадки, не только читать явно написанное, но и усматривать то, что стоит за словами. Символика может активно присутствовать не только в эстетике, но и в философском тексте. Историка философии, желающего понять своего коллегу и возможно оппонента в прошлом поджидают немалые трудности, связанные с неосознаваемыми моментами:

¹³Там же

Верификацию общей картины никогда нельзя довести до полной и однозначной осязательности, а деталь может быть реконструирована в своём подлинном смысле только внутри своего целого. Но применительно к нашим сюжетам ситуация особенно сложна. Мы говорили выше о «словаре» символических значений, который можно составить на основании текстов определённой эпохи; но беда в том, что такой словарь переводит символы на другие символы, только более интеллектуализированные, более похожие на понятия. Текстуально верифицировать всегда можно только эквивалентность одних символов данного культурного круга другим символам этого же круга, но не их значение в понятиях нашего понятийного аппарата. Пусть выяснено, что гора на языке иконы есть символ духовного восхождения. Но ведь «духовное восхождение» – это опять-таки символ, самопонятность которого легко может оказаться обманчивой (и, во всяком случае, верифицирована быть не может)¹⁴.

И все-таки, полагает автор, выговариваемое и невыговариваемое коррелируют друг с другом, они подвижны, и тем спасают смысл от застывания. Трансцензус, изначально заложенный в мысли, дает нам, сегодняшним, возможность понять, что говорили мыслители прошлого, несмотря на то, что мы не всегда можем уловить смыслы, разлитые между словами и действиями, мы не должны пытаться только «подслушивать и подглядывать», пытаюсь выявить скрытое и исторически-конкретное, но, должны в том числе, полагаться на слово и мысль, за которыми стоит уникальная субъективность, талантливый человек. Завершая статью, С.С.Аверинцев пишет:

Не надо ставить вопрос так: должны ли мы интерпретировать явления культуры далёкой эпохи в категориях этой эпохи или, напротив, в категориях нашей собственной эпохи? Неопосредованное, некритическое, недистанцированное пользование одним или другим рядом категорий само по себе может быть только провалом. Попытка сколько-нибудь последовательно рассуждать в категориях минувшей эпохи – это попытка

¹⁴ Там же

писать за какого-то неведомого мыслителя этой эпохи трактат, который он почему-то упустил написать вовремя; полезность такой попытки весьма неясна, но неосуществимость очевидна. Интерпретировать культуру прошлого, наивно перенося на неё понятия современности, – значит заниматься мышлением, которое идёт мимо своего предмета и грозит уйти в полную беспредметность. Интерпретация возможна только как диалог двух понятийных систем: «их» и «нашей». Этот диалог всегда останется рискованным, но никогда не станет безнадёжным¹⁵.

Надо сказать, что его гуманитарная и гуманистическая позиция мне наиболее близка.

Некоторые частные, но интересные проблемы

Среди частных, но интересных проблем историко-философской методологии, я хотела бы назвать в рамках этой статьи лишь две.

Первая: хорошо ли с точки зрения науки принимать позицию изучаемого автора? Эта проблема касается любого исследователя и в свое время получила с легкой руки Кеннена Пайка название проблемы эмического и этического, где эмическое означает взгляды изучаемого мыслителя, а этическое – взгляды исследователя. Вполне возможно, что в антропологических исследованиях, применительно к которым возникла эта категориальная пара, эмическое и этическое никогда не должны сливаться, и социолог, изучающий жизнь архаических народов, не должен становиться на их точку зрения. Иначе в философии. Здесь мы видим исследователей Гегеля, становящихся гегельянцами и историков философии Платона или Маркса, склоняющихся к платонизму или марксизму. Думается, в истории философии возможна, но не необходима «чисто эмическая» позиция, потому что исследователь вполне способен придерживаться мировоззрения, близкого «предмету» его изучения. Разумеется, идеальным требованием является его способность к критике, но эта критика вполне может осуществляться в рамках единого взгляда, потому что никакой «чисто объективной» мировоззренческой позиции в философии не может быть.

Второй интересный сюжет связан с тем, является ли история философии историей или «мнемоисторией» (термин Яна Ассмана). Мнемоистория – это историческая память, выделяющая из всего богатства

¹⁵ Там же

философской жизни эпохи лишь тех авторов, которые остались на слуху и в памяти современников и последующего поколения. В представлениях историков философии строится линия, состоящая из ряда крупных фигур, в то время как иные представители сообщества остаются либо в тени, либо вообще неизвестны. Являются ли они столь не значимыми, как следует из истории философии, писаной в соответствии с сохранившимися представлениями? Что делает одних людей «крупными фигурами», а других – категорически забытыми? Только ли мера таланта? Только ли результат деятельности? Или есть «группы поддержки», личные предпочтения, при которых «для истории» оставляют одних и игнорируют других? А, возможно, это стихийный, спонтанный процесс? У С. Лема было интересное размышление на этот счет применительно к художественной литературе. Он полагает, что выход «в классики» отдельных авторов довольно случаен, рядом вырастали другие произведения, не хуже, но благосклонность фортуны пала на эти, а не на те. «...популярность произведения, - пишет он, - зависит от того, будет ли его восприятие именно угасающим или, наоборот, лавинообразным. В отношении определенных произведений, которые вот-вот дойдут до критической границы, относительно дальнейшей их жизни или гибели решает фактор *чисто случайный*»¹⁶. И далее: «...литературные произведения, остающиеся вне поля столь пристального внимания, постоянно оказываются недостаточно интерпретированными. Уже давно известно: чтобы стать классиком, нужно быть иностранцем, непонятым и мертвым. Иностранец, писавший темно и ныне покойный, - вот идеальный классик»¹⁷. Так или иначе, перед историком философии стоит вопрос: идти ли проторенной дорогой или искать новые имена, продолжать ли интерпретацию широко обсуждаемых авторов или приступить к осмыслению идей. Принадлежащих «фигурам второго ряда»? Разумеется, каждый исследователь находит на эти вопросы свой собственный ответ.

Краткое резюме

Подводя итогу сказанному, хочется выделить ряд моментов:

- История философии – необходимый и неустрашимый момент всякого грамотного философствования, она может игнорироваться только «философией на завалинке», досужей болтовней; историко-философский диалог – атрибут философии как сферы интеллектуального поиска;
- В истории философии в равной степени важны «историк» и философ, исходящий из задач сегодняшнего дня, историко-философский диалог

¹⁶ Лем С. Философия случая. М. АСТ-Транзиткнига, 2005. – 767 с. С.213.

¹⁷ Там же С.221.

происходит не между «текстами» или «проблемами», но между субъективностями, отстоящими друг от друга во времени, однако, ныне живущий субъект способен понять своего предшественника и благодаря тонкому знанию его эпохи, и благодаря «трансцензусу» мысли;

- Для актуально работающего историка философии очень важно определиться с тем, какой путь он выберет для своего исследования: путь концептуального единства с изучаемым автором или отстраненного критико-аналитического разбора, также существенно, какие фигуры берет историк философии для рассмотрения – продолжает полемическое исследование признанных знаменитостей или стремится открыть новые грани историко-философского процесса, новые проблемы и новые имена. Впрочем, возможен поиск в обоих направлениях.

REFERENCES

Averincev S.S. Predvaritelnye zametki k izucheniju srednevekovoj estetiki [Preliminary notes to the study of medieval aesthetics] [<http://ec-dejavu.ru/a-2/Aesthetics.html>, accessed on 21.05.2017] (In Russian)

Baudrillard J. Obščestvo potreblenija. Ego mify i struktury [Consumer Society. Its Myths and Structures]. – Moscow, 2006. 269 s. (In Russian)

Gadamer H. Istina i metod [The Truth and the Method]. – Moscow, 1988. 704 s. (In Russian)

Dugin A.G. Postfilosofija. Tri paradigmy v istorii mysli [The Post-philosophy. Three paradigms in the History of Thought]. – Moscow, 2009. 744 s. (In Russian)

Lem S. Filosofija sluchaja [The Philosophy of Case]. – Moscow, 2005. 767 s. (In Russian)

Liotard J.-F. Sostoyanie postmoderna [The State of Post-Modern]. – Saint-Petersburg, 1998. 160 s. (In Russian)

Rorty R. Istoriografija filosofii: četyre zhanra [The Historiography of Philosophy: Four Genres] [http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Ror_IstFil.php, accessed on 21.05.2017] (In Russian)

Yulina N.S. Richard Rorti: razgovor “čerez epohi”, “v epohe” i istoriografija filosofii [Richard Rorty: Conversation “through the Epoch”, “In the Epoch” and the Historiography of Philosophy] [<http://www.intelros.ru/readroom/istoriya-filosofii/f1-1997/19325-richard-rorti-razgovor-čerez-epohi-v-epohe-i-istoriografiya-filosofii.html>, accessed on 21.05.2017] (In Russian)

Jaspers K. Vsemirnaja istorija filosofii. Vvedenie [The Global History of Philosophy. Introduction]. – Saint-Petersburg, 2000. 272 s. (In Russian)